

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ЛЕСТНЫЕ ОТЗЫВЫ О СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯХЪ ВОЕННАГО И МОРСКОГО ВѢДОМСТВА.

Письмо командира Очаковской крѣпостной артиллеріи, 22-го февраля 1909 года, № 685, настоятелю Очаковскаго собора П. А. Бертеневу.

Ваше высокопреподобіе, милостивый государь Павелъ Александровичъ!

Считаю своимъ долгомъ принести вамъ искреннюю и глубокую благодарность за бесѣды съ нижними чинами ввѣренной мнѣ артиллеріи.

Пребывая въ увѣренности, что и на будущее время вы не откажете нижнимъ чинамъ въ своихъ пастырскихъ наставленіяхъ, прошу не отказать, хотя изрѣдка навѣщать нижнихъ чиновъ и лѣтомъ, если съ вашей стороны не будетъ къ тому препятствій.

Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности. Всегда готовый къ услугамъ А. Шеловъ.

Изъ приказа по Севастопольской крѣпости, 20-го марта 1909 г., № 26.

Распоряженіемъ Протопресвитера Военнаго и Морского духовенства, отъ 28-го января сего года, священникъ церкви Братскаго кладбища о. Александръ Виноградовъ переимѣненъ въ Севастопольскій Адмиралтейскій соборъ. Разставаясь съ искренно уважаемымъ всѣми и высоко цѣненнымъ нами нашимъ пастыремъ, считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить о. Александру чувства всей его паствы и благодарить его отъ лица службы. Прослуживъ въ крѣпости почти семь лѣтъ, о. Александръ самъ одинъ несъ всю службу, которая падала на него, какъ на священника кладбищенскаго, крѣпостного и гарнизоннаго. Одно лишь упоминаніе о томъ, что о. Александръ велъ бесѣды въ пяти воинскихъ частяхъ, законоучительствовалъ въ четырехъ учебныхъ командахъ и во всѣхъ школахъ для сверхсрочнослужащихъ Сѣвернаго гарнизона, даетъ представленіе о той массѣ тяжелаго и разнообразнѣйшаго труда, которую съ примѣрною неутомимостью и полною успѣшностью несъ нашъ пастырь-труженикъ и несъ совершенно безвозмездно. И все это дѣлалось тихо, безъ всякой рисовки, во имя служебнаго долга.

Неотразимое вліяніе на нижнихъ чиновъ его глубоко-симпатичной личности, его умѣнье заглянуть въ душу своихъ пасомыхъ, и умѣнье освѣтить потемки этой души и могли только принести тѣ добрые плоды, которые были очевиднымъ для всѣхъ результатомъ дѣятельности нашего дорогаго батюшки.

Съ грустью приходится разставаться съ о. Александромъ. Великое ему спасибо за всѣ его труды среди насъ, и за все то благо, которое принесли эти труды. Отъ души пожелаемъ же ему и на новомъ мѣстѣ службы заслужить ту же любовь и искреннее уваженіе, которыми онъ пользовался среди насъ.

Подлинный подписалъ: Комендантъ крѣпости, генералъ-лейтенантъ Григорьевъ.

Изъ приказа по 37-й артиллерійской бригадѣ. Селищенскія казармы,
27-го марта 1909 г., № 86.

21-го 23-го и 24-го сего марта произведена комиссією подъ моимъ предсѣдательствомъ повѣрка обученія нижнихъ чиновъ бригадной учебной команды, при чемъ оказалось слѣдующее.

Законъ Божій: На задаваемые вопросы люди отвѣчали прекрасно, толково, сознательно, виденъ трудъ батюшки въ теченіе всего періода обученія. Всѣ молитвы люди знаютъ отчетливо и на всѣ вопросы даютъ смѣлыя отвѣты, полныя знанія, при чемъ не видно зубрежки.

Особенно благодарю многоуважаемаго нашего батюшку о. Николая Любецкаго, за его честную работу и неутомимый трудъ обученія команды Закону Божию и религіозно-нравственнаго воспитанія всѣхъ чиновъ бригады на бесѣдахъ въ казармахъ и проповѣдяхъ въ церкви, произносимыхъ столь задумчиво и повнятно нашему простолудину солдату.

Подлинный подписалъ: Командиръ бригады, генераль-маіоръ *Вагговутъ*.

Письмо командира 1-го Запаснаго Кавалерійскаго полка, отъ 28-го мая 1909 года, № 1518, Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства о. А. Желобовскому.

Ваше Высокопреподобіе!

Бывшій священникъ вѣреннаго мнѣ полка о. Василій Кристалевъ перемѣщенъ вами на службу въ 134-й пѣхотный Θεодосіевскій полкъ.

Разставаясь съ пастыремъ своимъ, гг. офицеры приподнесли ему роскошный образъ св. Николая Чудотворца, оцѣнивъ о. Василя какъ чело-вѣка, такъ и труженика, о чемъ считаю пріятнымъ долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и преданности.
Влад. Нордманъ.

Изъ приказа по 1-му Запасному Кавалерійскому полку, 13-го мая 1909 года, № 133. Г. Сызрань.

Въ дополненіе къ пун. 4-му приказа по полку за № 125, сообщаю: разставаясь нынѣ съ нашимъ уважаемымъ духовнымъ пастыремъ, считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить о. Василию Кристалеву мою сердечную благодарность за его 3-хъ лѣтнюю неутомимую дѣятельность во время отправленія должности въ полку.

О. Василій по собственному желанію покидаетъ насъ изъ-за суроваго климата нашей стоянки. Отъ лица всѣхъ вашего прихода желаю вамъ батюшка полного успѣха на вашемъ новомъ мѣстѣ службы.

Подлинную подписалъ: Командиръ полка, полковникъ *Нордманъ*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Поученіе въ день преставленія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова (Іоан. XIX, 25—27), 26-го сентября.

(Современныя жалобы на непочтеніе и неповиновеніе родителямъ со стороны дѣтей. Основанія и побужденія къ покорности и почтенію родителей, заключающіяся въ Законѣ Божіемъ и вытекающія изъ самой природы человеческой).

Братіе! Слушая чтенное нынѣ литургійное евангеліе, вѣроятно, вы невольно переносились душою на Голгоѳу и мысленный взоръ вашъ созерцалъ тамъ дивное, трогательное зрѣлище. Господь неба и земли, Сынъ Божій, виситъ, какъ злодѣй, между двумя разбойниками, пригвожденный ко кресту. Измученный, изъязвленный Онъ уже близокъ къ кончинѣ. У креста нѣтъ никого изъ учениковъ, только одинъ Іоаннъ, Матерь Божія, Марія Клеопова и Марія Магдалина. Видитъ Спаситель какая глубокая скорбь

произаетъ душу Его Матери, и изъ изсохшихъ отъ жажды устъ Его слышится уже слабѣющій голосъ, какъ предсмертное завѣщаніе, какъ послѣднее выраженіе нѣжной любви и утѣшенія Матери. *Жено, впитаетъ Онъ: «се сынъ Твой»,* и Иоанну говорить: *«се Мати твоя»* (Іоан. XIX, 27). Какое чудное сочетаніе всеобъемлющей любви божественной съ естественной, человѣческой!

Среди страшныхъ мученій Искупитель рода человѣческаго не перестаетъ горѣть сыновней любовью къ Матери Своей; Единородный Сынъ Божій усыновляетъ ученика Матери Своей и тѣмъ ввѣряетъ Ему Свое попеченіе о ней.

Повѣствуя въ своемъ евангеліи о такомъ важномъ обстоятельстве, ученикъ этотъ умалчиваетъ о томъ душевномъ состояніи, которое испыталъ онъ, слыша такое завѣщаніе Спасителя, а говоритъ только о своей готовности и поспѣшности исполнить волю Господа въ сихъ краткихъ словахъ: *«и отъ того часа поять Ю во свояси».*

Удостоенный ранѣе быть ближайшимъ, возлюбленнымъ ученикомъ Господа, другомъ и наперсникомъ Его, Иоаннъ удостоивается, наконецъ, такой чести, которой не удостоивались и ангелы: становится сыномъ Матери Господа. И пріемлетъ онъ отъ того часа Матеръ Господа во свояси, въ свой домъ и около 15-ти лѣтъ покоряется и служитъ Ей, какъ самый преданный сынъ. Какой ближайшій урокъ назиданія мы можемъ извлечь для себя изъ описаннаго событія, вѣроятно, понятно каждому изъ насъ, братіе!

Это урокъ дѣтямъ, урокъ любви, повиновенія и попеченія ихъ о родителяхъ, урокъ стоящій предъ ними неотразимо, какъ законъ, требующій непрекословнаго исполненія, ибо урокъ этотъ преподается, какъ видимъ, не словомъ уже, а примѣромъ Самого Сына Божія и усыновленнаго Имъ Матери Своей возлюбленнаго ученика Его.

И если когда, то въ настоящее время особенно потребны этотъ урокъ и примѣръ любви и попеченія о родителяхъ, потому что, если когда, то болѣе, чѣмъ прежде, слышимъ нынѣ жалобы на непочтеніе и неповиновеніе родителямъ.

Въ разныхъ слояхъ общества онѣ проявляются по своему.

Такъ, въ именуемомъ интеллигентномъ обществѣ, слышимъ жалобы на то, что въ отрочествѣ, въ этомъ первомъ возрастѣ, въ которомъ Самъ Спаситель *бѣ повинуюся родителямъ* (Лук. 11, 51—52), родители не

находятъ средствъ отучить дѣтей отъ капризовъ и привести къ послушанію, заставить учиться, слушаться наставниковъ, вести себя скромно, не лгать и не обманывать. Съ переходомъ дѣтей въ юношество раздаются новыя жалобы родителей,—жалобы на разсѣянность ихъ и легкомысліе, на забвеніе и нарушеніе христіанскихъ обязанностей, на увлеченіе дурными примѣрами и привычками, на стремленіе къ неразумной свободѣ и жизни нравственно-растлѣнной, на упрямство и грубость при мѣрахъ къ исправленію. Достигнутъ, наконецъ, дѣти мужескаго возраста,—жалобъ раздается еще больше. Воображая себя уже самостоятельными, дѣти начинаютъ вовсе выходить изъ повиновенія родителямъ: избираютъ родъ службы, или занятій вопреки волѣ родителей, вступаютъ въ браки безъ ихъ согласія и благословенія, стыдятся простаго происхожденія своихъ родителей, если займутъ видное положеніе въ обществѣ и, часто становясь богатыми, подѣ старость и при бѣдности родителей, отказываютъ имъ въ помощи, растрачивая иногда въ короткое время то, что на всю жизнь послужило бы обезпеченіемъ ихъ родителей. Тоже, но въ худшемъ видѣ повторяется въ среднемъ классѣ общества, а тѣмъ болѣе въ низшемъ. Въ послѣднемъ чаще всего встрѣчается то грустное явленіе, что нѣкоторыя изъ дѣтей, чтобы избавиться отъ власти родителей и повиновенія имъ, требуютъ отъ нихъ раздѣла и выдачи слѣдуемой имъ части имѣнія и, какъ упоминаемый въ притчѣ Спасителя распутный сынъ, уходятъ изъ родного дома на страну далеку и тамъ, давъ полный просторъ своеволю и разгулу страстей, большею частію гибнутъ нравственно и матеріально.

Тѣ же, которымъ посчастливится жизнь на сторонѣ, или совсѣмъ забываютъ родителей, или, доставляя имъ ничтожное вспомошествованіе, надмѣваются предъ ними, при свиданіи чуждаются и пренебрегаютъ ими, глямятся надъ ихъ слабостями и недостатками, позволяютъ себѣ всякаго рода обиды и даже самое грубое и дерзкое обращеніе.

Между тѣмъ, какъ неотразимо сильны и важны основанія и побужденія къ покорности и почитанію родителей, заключающіяся въ Законѣ Божіемъ и вытекающія изъ самой природы человѣческой!

Богъ, Создатель всего живущаго въ мірѣ, благословляя родителей дѣтьми, тѣмъ самымъ передаетъ имъ часть той божеской власти, которая принадлежитъ Ему по праву созданія. Родители, такимъ образомъ, давая жизнь дѣтямъ и заботясь о нихъ, имѣютъ и право на послушаніе и почитаніе отъ своихъ дѣтей. Вотъ почему Самъ Богъ и поставилъ въ законѣ,

данномъ чрезъ Моисея, первую заповѣдью по отношенію къ ближнимъ почитаніе родителей и постановилъ столь строгій судъ на не уважающихъ родителей, злословящихъ и не покоряющихся имъ, повелѣвъ предавать ихъ жестокому наказанію (Исх. XXI, 16). Да и нигдѣ, ни въ какое время судъ человѣческой не относился снисходительно къ непочтительности родителямъ, имѣя въ виду, что непочтеніе родителей есть неблагодарность въ высшей степени.

Не почитать родителей—значитъ забывать, что мы всегда остаемся передъ ними въ неоплатномъ долгу: мы обязаны имъ послѣ Бога самую жизнь,—этимъ высшимъ благомъ на землѣ, а затѣмъ и во всей своей жизни никому такъ не обязаны, какъ своимъ родителямъ. Не почитать родителей—значитъ забывать, что переноситъ каждая мать для своего дитяти: сколько бессонныхъ ночей проводитъ она у колыбели своего дитяти, постоянно ухаживая за нимъ, питая своею грудью, согрѣвая своимъ дыханіемъ, своимъ тѣломъ, тревожась каждымъ плачемъ его!» Не почитать родителей—значитъ забывать, сколько заботъ, трудовъ и лишеній приходится имѣть родителямъ съ дѣтьми, особенно когда наступитъ время воспитанія и обученія ихъ. Сколько душевныхъ волненій и тревогъ приходится испытать тогда родителямъ! Сколько утѣшенія, радости и восторга доставляютъ дѣти родителямъ своими хорошими успѣхами въ наукахъ и благоповеденіемъ, и, обратно, сколько вызовутъ слезъ и принесутъ грусти и скорби своею безуспѣшностію, а тѣмъ болѣе нравственною испорченностію!

Но, можетъ быть, когда мы, говоря такъ, призываемъ къ исполненію обязательнаго для всѣхъ долга почитанія къ родителямъ, въ молодыхъ головахъ уже рождается вопросъ: до какихъ же поръ должно продолжаться это послушаніе, эта честь родителямъ? Не должно ли ограничить повиновеніе родителямъ только лѣтами отрочества, или окончаніемъ ученія? — Но развѣ благодарность измѣряется временемъ? Всегда, во всякомъ возрастѣ, во всякое время, во всю жизнь, пока живы наши родители, мы обязаны отдавать имъ долгъ любви, почтенія и повиновенія, да благо намъ будетъ, и да долгодѣтны будемъ на земли. Пусть родители ниже насъ по уму, образованію и общественному положенію. Но развѣ стыдно, если молодой, образованный сынъ слушаетъ спокойное, опытное сужденіе необразованнаго старика-отца, которое исходитъ изъ крѣпко любящаго сердца? Развѣ честь, воздаваемая родителямъ, не возвышаетъ чести самихъ дѣтей, и, обратно, развѣ непочтеніе къ родителямъ не унижаетъ дѣтей, не внушаетъ къ нимъ

обшаго презрѣнія? Пусть поведеніе родителей нашихъ небезукоризненно. Но имѣемъ ли право роптать, или осуждать ихъ? Мы обязаны великодушно, съ терпѣніемъ переносить ихъ слабости и недостатки, даже скрывать ихъ по возможности отъ другихъ, памятуя, что переносили они изъ-за насъ въ пору нашего дѣтства, отрочества и вообще во все время нашего воспитанія.

Будемъ же, братіе, хранить въ сердцѣ своемъ крѣпкую и неизмѣнную любовь къ родителямъ и выражать ее своимъ попеченіемъ и повиновеніемъ, если они живы. Постараемся, насколько возможно, вознаградить ихъ за всѣ причиненныя имъ нами безпокойства, а можетъ быть и огорченія, за труды и попеченія о нашемъ здоровьѣ, содержаніи и воспитаніи доставленіемъ и имъ покойной и во всемъ довольной жизни; особенно же внимательно отнесемъ къ нимъ и усилимъ свои попеченія о нихъ во время нужды, скорби, болѣзни и въ старости. Если же родители наши отошли уже ко Господу, почтимъ память ихъ непрестанною молитвою о нихъ дома и возможно частымъ поминовеніемъ въ церкви. Такъ поступая въ отношеніи къ родителямъ, мы исполнимъ первую и главнѣйшую заповѣдь Божію о любви къ ближнимъ и явимся достойными подражателями въ томъ примѣру Самого Господа нашего Иисуса Христа и возлюбленнаго ученика Его. Аминь.

Священникъ церкви л.-гв. Бексгольмскаго полка *Константинъ Введенскій*.

А кто мой ближній?

(Ев. Луки, X, 29).

Девятнадцать вѣковъ почти исполнилось, какъ поставленъ былъ Христу этотъ вопросъ и какъ Христосъ далъ на него поразительной яркости отвѣтъ въ притчѣ о милосердномъ самарянинѣ, а люди какъ будто и не слышали еще ни вопроса, ни отвѣта на него.

Они все еще, когда хотятъ помочь ближнему, начинаютъ искать дальнихъ.

Вотъ отецъ, глава и опора семьи. Въ немъ пробудилось стремленіе къ духовной жизни. Заповѣдь Божья о любви яркимъ лучомъ пронизала его душу. Онъ рѣшилъ жить по любви къ ближнимъ. И вотъ глаза его ищутъ, кому-бы помочь, на комъ бы излить и выразить пробудившееся стремленіе любви къ ближнему. Ищутъ вездѣ, на задворкахъ и закоулкахъ, въ начлежкахъ и притонахъ. А рядомъ съ нимъ жена, дѣти. Съ женою онъ грубъ, на дѣтей кричитъ, сердится. Малолѣтній дѣтскій шумъ, минутный веселый смѣхъ раздражаютъ его... Въ семьѣ своей онъ хмуръ, нервенъ, раздражителенъ... Какъ будто-бы, жена и дѣти не ближніе его?..

Вотъ мать. У нея двое дѣтокъ. И въ ея душѣ заговорило стремленіе къ духовной жизни. И опять мы видимъ, какъ ея глаза жадно ищутъ ближнихъ вдалекѣ, она ходитъ по больницамъ, со слезами жалости говоритъ о падшихъ, посѣщаетъ по чердакамъ и подваламъ нищихъ, умильно и ласково говоритъ съ ними... А дѣти оставлены безъ призора или брошены на руки наемныхъ нянекъ. Однажды ушла отъ нея нянька; пока искалъ мужъ спѣшно новую, ей два или три часа пришлось заняться самой съ своими дѣтьми,—и она устала до истерики. Я зналъ мать, которая, послѣ пробужденія въ ней стремленія къ духовной жизни, бросила четверыхъ дѣтей и ѣздила по монастырямъ «Богу молиться», искала старцевъ по скитамъ и за чаемъ съ ними вела душеспасительные бесѣды!.. А дѣти брошены на произволь судьбы! .

Вотъ старшая сестра. Она кончила курсъ. Заповѣдь о любви къ ближнимъ обезпокоила и ея сердце. И опять начинаются поиски дальнихъ!.. Она устраиваетъ воскресныя школы, ходитъ по квартирамъ учить бѣдныхъ дѣтей; а младшіе ея братья и сестры изнываютъ дома до полуночи надъ трудными задачами... Одной сестрѣ грозитъ переэкзаменовка по ариѳметикѣ, но ей некому помочь: старшая сестра по вечерамъ учитъ ариѳметикѣ двухъ фабричныхъ мальцевъ...

Это все яркіе, но вырванные изъ жизни примѣры... Они рѣдки въ такой яркости. Но поглядите внимательнѣе вокругъ, загляните въ душу свою,—и вы увидите, что хотя и не въ такой яркости, но всегда предъ душой при желаніи помочь ближнимъ вплотную становится соблазъ искать дальнихъ!...

Христіанинъ долженъ преобѣдить соблазнъ!... Для этого чаще надо вспоминать притчу о милосердномъ самарянинѣ. Суть этой притчи въ томъ, что самарянинъ, не навидимый евреями, помогъ еврею, когда онъ нуждался

въ помощи. Священникъ и левитъ прошли мимо, потому что дальнихъ искали; а самарянинъ отъ всей души помогъ первому, кто оказался въ нуждѣ. И не смотря на то, что это былъ врагъ его!..

Такимъ долженъ быть и христіанинъ!.. Къ первому, а такимъ будетъ самый ближайшій къ нему человѣкъ, христіанинъ долженъ склоняться своею любящей душой!

Поле сраженія. Битва въ разгарѣ. Пушки грохочатъ, свистятъ пули,.. Земля усыяна ранеными. Стонъ, предсмертные вопли, скрежетъ зубовъ отъ боли... И среди этого ада озлобленія и страданія ходитъ человѣкъ съ крестомъ на груди. Онъ наклоняется къ каждому стону къ каждой мольбѣ о помощи, отъ кого бы они ни исходили: отъ врага или своего...

Это—братъ или сестра милосердія...

Христіанинъ долженъ быть такимъ братомъ милосердія во время войны добра со зломъ, войны, которая называется жизнью... И конечно, и съ тобою, христіанинъ будетъ то, что часто бываетъ съ сестрой милосердія и что увѣковѣчено кистью художника.

Сугробъ снѣга. Вдали дымъ, а на сугробѣ лежитъ сестра милосердія. Шальная пуля пронзила ей сердце.

За что?—спрашиваетъ художникъ.

За любовь къ страждущему—отвѣчаетъ сердце зрителя. И со сла-
достью въ сердцѣ стоишь предъ картиной—хочется подвига.

Иди и ты поступай такъ же! Смотри, всю поверхность земли охва-
тила борьба со зломъ! Зачѣмъ ходить далеко! Смотри,—около тебя, бокъ
о бокъ съ тобою стонетъ раненный въ жизненной борьбѣ!

Военный священникъ *Г. Егоровъ.*

Возможное на землѣ счастье—удѣлъ труженника ¹⁾.

Трудь!—какое это великое слово! Какъ много онъ значить въ жизни человѣка!

Посмотрите на большую рѣку, которая плавно мчитъ свли сбѣтлыя воды по широкому руслу. Всюду, гдѣ ни появляется, она приноситъ съ собою оживленіе, точно возбуждая отъ сна окрестныя мѣстности: лѣса, дуга, нивы, мельницы, деревни и села съ золотыми маковками церквей чередуются другъ съ другомъ по ея теченію; время отъ времени показывается и городъ съ его фабриками и заводами, на которыхъ кормятся десятки сотенъ людей; все это жметъ къ рѣкѣ, — къ ея раднымъ, вызывающимъ жизнь, берегамъ.—Взгляните тееръ на прудъ съ его неподвижною водою: какъ здѣсь все пустынно и мертво! Тихія ракиты уныло свѣшиваютъ свои вѣтви въ его зеленоватую воду, издающую отъ застоя и гниенія водорослей непріятный запахъ и потому совершенно негодную для питья; съ каждымъ годомъ разрастающаяся осока отвоевываетъ себѣ все больше и больше мѣста, постепенно обращая его стоячія воды въ тепкое болото.

Но что движеніе для воды, то и трудъ для жизни человѣка.

Возьмите богача, не знающаго заботы по его обезпеченности. Онъ потому и избѣгаетъ труда, что хотѣлъ бы обратить свою жизнь въ непрерывный, полный веселья и радости, счастливый праздникъ. Но — увь! — радость бѣжить отъ него. Правда, — вначалѣ кажутся заманчивыми тѣ удовольствія, которыя возможно получить за деньги. Однако, отъ частаго повторенія они прискучиваютъ, надоѣдаютъ. Приходится придумывать все новыя и новыя утѣхи, но избалованное чувство уже не находитъ въ нихъ радости, да и изобрѣтательность человѣческая не безконечна. Соломонъ, не отказывавшій себѣ въ удовлетвореніи своихъ желаній, замѣчаетъ: *сказалъ я въ сердце моемъ: дай, испытаю я тебя весельемъ, и насладись добромъ; но и это суета! О смѣхѣ сказалъ я: глупость! А о весельи: что оно дѣлаетъ?* (Еккл. 2, 1—2). Въ тоже время и организмъ, расшатанный, отказывается служить, является нездоровье, которое, конечно, плохой спутникъ для удовольствій. Главное же—душа, заботящаяся только о весельи, грубѣетъ; сердце утрачиваетъ отзывчивость къ

¹⁾ Листокъ Московской Синодальной типографіи 1908 г., III, 158.

нуждамъ и горю ближняго и тѣмъ лишаетъ себя высокихъ, истинно человѣческихъ радостей искренней привязанности, состраданія и любви. Такой богачъ одинокъ среди людей, и какъ тяжело бываетъ по временамъ это сознание своего одиночества! Но вотъ приблизилась и старость... За нею червѣется могила... А тамъ?!... Со шемяшею тоскою оглядывается богачъ, знавшій одни пиры и удовольствія, на прошедшую жизнь свою, — что онъ изъ нея сдѣлалъ? Ему былъ данъ отъ Бога талантъ — его богатство, а съ нимъ, быть можетъ, и другіе, но онъ легкомысленно погубилъ ихъ и что теперь скажетъ Господину своему? Не ждетъ ли его за гробомъ грозное слово Владыки: *негоднаго раба выбросьте во тѣмну внѣшнюю: тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ* (Мѡ. 25, 30).

Скажите: неужели такая жизнь счастье?

Еще болѣе печальна жизнь бѣдняка, избѣгающаго труда по лѣни. И сами по себѣ безотрадны условія его жизни, но онъ еще болѣе отягчаетъ ихъ: праздность, при бѣдности и здоровьи, порожденная отвращеніемъ къ труду, вѣрный путь къ позорной, унижительной нищетѣ. Вмѣсто того, чтобы удвоить, утроить свой трудъ, — лишь бы выбиться на дорогу, — лѣнивецъ, для заполнения празднаго времени, тратитъ на низменныя удовольствія, чаще всего на пьянство, послѣдніе гроши, столь цѣнныя въ его домашнемъ обиходѣ. Вотъ онъ проснулся съ похмѣлья съ тяжелою головою, трясущимися руками, неспособный къ работѣ. И такъ у него на душѣ скверно, а тутъ еще съ нѣмымъ укоромъ смотрятъ на него убогія, неприглядныя стѣны жилища, забитая жена, запуганныя и оборванные дѣти. Все говоритъ о скудости, лишеніи, недостаткѣ и какъ бы просить его: брось разгульную жизнь, примись за работу, внеси лучъ радости въ твою семью! Но ослабла воля; уже нѣтъ силъ подняться; и опять идетъ онъ «запивать горе», и опять поздней ночью съ безпокойствомъ ждетъ его возвращенія жена; такъ тянется эта тяжелая, по истинѣ кошмарная, жизнь, пока не оборвется гдѣ-нибудь неожиданно, безъ надлежащаго напутствія христіанскаго, обрекши семью на нищету.

Нечего и говорить, что и въ такой жизни тоже нѣтъ счастья.

Гдѣ же оно!

Оно въ жизни христіанина, который трудится для блага ближнихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для своего, сознавая, что трудъ есть заповѣдь Божія.

И, прежде всего, трудъ основа здоровья тѣлеснаго. Если праздность изнѣживаетъ и тѣмъ ослабляетъ организмъ, развивая въ немъ предраспо-

ложенность къ болѣзнямъ, то посильный трудъ, наоборотъ, укрѣпляетъ тѣло, сообщая пріятное ощущеніе бодрости. А тѣлесное здоровье при трудолюбіи—чистый и неосуждаемый Богомъ источникъ благосостоянія. «Подъ лежачую колоду вода не потечетъ» — говоритъ народная мудрость, указывая на то, что въ жизнь бездѣятельнаго человѣка закрыть его лѣнью доступъ къ довольству. Человѣкъ же трудящійся всегда советъ себѣ гнѣздо, въ которомъ будетъ находить тихій пріютъ и отдохновеніе среди жизненныхъ бурь и невзгодъ. Конечно, здоровье и внѣшнее благополучіе не могутъ и не должны составлять полного счастья для христіанина, полагающаго свое сокровище не здѣсь на землѣ, а тамъ—на небѣ. Но онъ можетъ имъ наслаждаться, какъ благословеніемъ Божиимъ, вѣнчающимъ его трудовую жизнь.

Трудъ, главнымъ образомъ, важенъ для христіанина, какъ источникъ счастья болѣе возвышеннаго и потому болѣе достойнаго послѣдователя Христова. Трудъ — это стражъ, охраняющій душу отъ вторженія въ нее дурныхъ мыслей и чувствъ,—этихъ нечистыхъ предвѣстниковъ преступныхъ дѣлъ. Много грязи и пыли пристаеетъ къ человѣку на его жизненномъ пути, засоряя душу, но трудъ освѣжаетъ ее и оздоравливаетъ, упрочивая въ ней христіанскую настроенность.

Господь заповѣдалъ трудъ человѣку еще въ раю (Быт. 2, 19) и повторилъ эту заповѣдь послѣ его грѣхопаденія, хотя уже со скорбнымъ указаніемъ на тяжесть труда (Быт. 3, 17). Но наказаніе милосердаго Господа служить въ тоже время и благословеніемъ человѣку. Тяжелъ его трудъ, но велики его и послѣдствія. Посмотрите кругомъ себя и вы увидите, что человѣкъ своимъ трудомъ измѣнилъ лице земли: въ непроходимой топи онъ провелъ дорогу, обратилъ болото въ пашню, извлекъ богатство изъ нѣдръ земли и моря, подчинилъ себѣ паръ и электричество, путемъ машинъ заставляя ихъ служить себѣ; не говоримъ уже о высокомъ трудѣ — творчествѣ, — о созданіяхъ художественно-литературнаго гения. Словомъ, трудъ краеугольный камень, на которомъ зиждется поступательное развитіе всего человѣчества. И каждый единичный труженникъ, сознавая это великое значеніе заповѣданнаго Богомъ труда, не можетъ не чувствовать, что и онъ, честно и добросовѣстно исполняя свой трудовой долгъ, содѣйствуетъ благу своей семьи, своихъ ближнихъ, своего отечества, а черезъ нихъ и всего человѣчества. Отрадно это сознаніе, что ты не трутень въ общегосудар-

ственнымъ ульѣ, что если родина твоя процвѣтаетъ, то въ этомъ есть доля и твоихъ усилій. Съ такимъ сознаниемъ неразрывно соединяется благородное чувство собственнаго достоинства и то спокойное мужество, съ какимъ привыкшій къ труду человѣкъ смотритъ въ глаза будущему: онъ увѣренъ, что съ помощію Божіею и своихъ трудовыхъ рукъ избѣгнетъ нищеты и связанныхъ съ нею униженій. Одно это можетъ скрашивать и дѣйствительно скрашиваетъ жизнь труженника, хотя бы даже и скромную по своимъ рамкамъ. Но у него есть и другія радости, какихъ не знаетъ лѣнивѣцъ, хотя и богачъ, несмотря на всю внѣшнюю широту своей жизни. Сладка невзыскательная трапеза послѣ трудового дня: простая блюда ея не сравнятся съ изысканными кушаньями богатаго стола, который въ пресыщенныхъ желудкахъ возбуждаютъ только отвращеніе. Сладокъ и крѣпокъ восстанавливающей силы сонъ труженника на его подъ часъ суровомъ ложѣ; но не смыкаетъ глазъ богачъ, мучаясь отъ бездѣлья безсонницей на своей роскошной постели. А какъ цѣнны для труженника праздники—эти дни отдохновенія, положенные Богомъ: послѣ молитвы Господу и дѣлъ благотворенія онъ наслаждается невинными и скромными удовольствіями въ семейномъ кругу или въ кругу своихъ близкихъ, подобныхъ ему труженниковъ; эти тихія радости даютъ ему гораздо болѣе, чѣмъ пресыщенной душѣ богача самыя дорогія удовольствія. Да развѣ и самый трудъ, помимо великихъ плодовъ его, въ самомъ себѣ не носитъ радости? Съ какою, напримѣръ, радостью пахарь послѣ зимняго отдыха берется весною за соху! Наконецъ, какъ глубоко, чисто и возвышенно то чувство нравственнаго удовлетворенія, съ какимъ человѣкъ оканчиваетъ какое либо продолжительное, трудное и полезное для ближнихъ дѣло? Съ трогательною простотою выражали его древнерусскіе книжники: послѣ жизнеописанія святаго или списанія священной книги, что въ Древней Руси, по отсутствію книгопечатанія, являлось дѣломъ труднымъ, требующимъ иногда многихъ лѣтъ усидчивой работы, они въ концѣ рукописи дѣлали слѣдующія замѣчанія: «какъ радуется женихъ о своей невѣстѣ и какъ радуется кормчій, приставши въ отишіе изъ бурнаго моря, такъ радуется и писецъ окончивъ свой трудъ»!

Но не измѣримо болѣе сильна радость христіанина, окончившаго свой трудовой жизненный путь: со спокойнымъ сердцемъ за будущее семьи, обезпеченной его честнымъ трудомъ, лежитъ онъ на смертномъ одрѣ, окруженный близкими и благодѣтельствованными имъ: съ сыновнимъ страхомъ и

любовью вперяетъ онъ свой потухающій взоръ въ загробный міръ, надѣясь услышать желанный призывъ:

Добрый и вѣрный рабъ!... войди въ радость Господа твоего!
(Мѡ. 25, 21).

За полковыхъ священниковъ.

Въ статьѣ, помѣщенной на страницахъ «Развѣдчика» за № 961, вѣкій г. Тарасовъ высказалъ свое quasi-компетентное заключеніе о бездѣтельности въ войскахъ полковыхъ священниковъ.

Не будучи, «по плоти и кости», духовнымъ, но близко соприкасаясь съ полковыми священниками и зная ихъ трудовую-тернистую жизнь, позволяю себѣ высказать, сколь неосновательны «отъ первой строчки до послѣдней точки» обвиненія г. Тарасова.

Автору достаточно было бы прослѣдить за преніями въ Государственной Думѣ, по поводу законопроекта объ увеличеніи содержанія военному духовенству, — гдѣ даже со стороны прогрессивныхъ партій ничего не было высказано о бездѣтельности военнаго духовенства; прибавка же къ содержанію была лишь отсрочена для внесенія въ бюджетъ будущаго года.

Съ другой стороны въ дѣловыхъ рѣчахъ въ Думѣ и Совѣтѣ, не говоря уже о рѣчи епископа Митрофана, нельзя не признать авторитетныхъ сужденій, обоснованныхъ на близкомъ знакомствѣ съ трудами и нуждами военныхъ пастырей генер. Редигера, Сухотина, д. т. сов. Саблера, высказавшихся о военномъ духовенствѣ, какъ о «дорогихъ сотрудникахъ офицеровъ» въ дѣлѣ воспитанія арміи, особенно необходимыхъ въ настоящіе «лукавые дни», — когда внутренній врагъ употребляетъ всѣ силы, дабы поколебать воинскій духъ нашего солдата и парализовать въ немъ правильное пониманіе святости воинскаго долга и присяги.

Военное духовенство, подѣ мудрымъ и твердымъ водительствомъ своего просвѣщеннаго начальника Протопресвитера А. А. Желобовскаго, по составу и образовательному уровню, ни сколько не уступаетъ епархіальному духовенству. И въ немъ встрѣтить можно недюжинныхъ духовныхъ

дѣателей, всецѣло отдающихъ свои силы на служеніе церкви Божіей и православно-русскаго воинства. Ужели священники съ высшимъ образованіемъ, даже профессора академій, идутъ въ военное вѣдомство изъ-за того скуднаго содержанія, которое нынѣ значительно разнится отъ содержанія ротнаго командира, и тѣхъ привилегій, которыми пользуются наравнѣ съ офицерами.

Г. Тарасову слѣдовало бы заглянуть въ официальный военно-духовный органъ, гдѣ нѣтъ номера, въ которомъ не содержались бы со стороны военного начальства лестные отзывы, выраженіе сожалѣнія о переводѣ на новое мѣсто служенія, отрадныя воспоминанія о своемъ полковомъ пастырѣ. Это не рекламы; въ нихъ пастырѣ не нуждается. Здѣсь не поддѣльная скорбь нѣсколькихъ тысячъ духовныхъ чадъ, печалующихся о разлукѣ со своимъ духовнымъ отцомъ.

А что сказать о послѣдней войнѣ? Развѣ она не дала намъ героевъ изъ среды военнаго духовенства? Оо. Щербаковскій, Рудневъ, Любомудровъ—громко говорятъ объ этомъ. Эти славныя имена тѣхъ духовныхъ вождей, которые были преисполнены духовнаго героизма на поляхъ манжурскихъ.

Авторъ, принявши за мѣрило офицерскаго рабочаго дня шестичасовой трудъ, врачей—двухчасовой, «бѣдныхъ іереевъ» не надѣлилъ даже крохами—рабочими минутами. Не жестоко-ли?

При разбросанности ротъ, баталіоновъ, батарей, эскадроновъ зачастую на значительныя разстоянія отъ своихъ штабовъ, священнику приходится удѣлять не мало времени и на совершеніе обязательныхъ службъ, которыя всегда дополняются приличествующимъ случаю поученіемъ или раздаваніемъ образковъ и листовъ духовно-нравственнаго содержанія. А подъ чьимъ руководствомъ и содѣйствіемъ производятся различныя сборы пожертвованій, постройка или украшеніе воинскихъ храмовъ и дѣла благотворительности? Наконецъ, сколько времени уходитъ у священника на одну переписку и составленіе въ теченіе года различныхъ церковныхъ актовъ?

Многіе священники успѣшно ведутъ бесѣды съ иновѣрцами и сектантами, о чемъ свидѣтельствуютъ не единичные случаи перехода въ лоно православной церкви. Посѣщаютъ лазареты, мѣста заключенія, производятъ внѣбогослужебныя бесѣды для поднятія религіозно-нравственнаго уровня нашего солдата, подбирая для сего такія напр. статьи, какъ: Геосиманская ночь, о крестѣ и крестныхъ страданіяхъ Спасителя, о религіи и нравствен-

ности, какъ лучшихъ основъ человѣческаго благополучія, о табакокурениі, о пьянствѣ и проч... И «сѣрые» слушатели не пророняли ни единого слова и выходили изъ ротной аудиторіи съ подѣемомъ духа, дабы завтра снова начать свой трудовой день, кипучую воинскую работу. Это-ли можно отнести къ бездѣтельности военнаго священника?

Здѣсь кѣсати указать на статью ¹⁾ военнаго педагога Н. Бутовскаго «Духовно-нравственное наставничество въ войскахъ». Отдавая должную дань пастырскимъ трудамъ военнаго духовенства, г. Бутовскій вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и цѣнныя указанія для его высокой миссіи, въ смыслѣ большаго вліянія на развитіе нравственности въ войскахъ. И нужно отдать справедливость: указанія эти не остались «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Полковые священники примѣняютъ ихъ въ своей пастырской практикѣ духовно-нравственнаго воспитанія нижнихъ чиновъ.

Собираніе во время исповѣди солдатскихъ «мѣдяковъ», это прискорбное недоразумѣніе. Гдѣ ихъ и несутъ, то эти добротныя жертвы идутъ на благоуукрашеніе церкви. Если-же при другомъ случаѣ солдатикъ и дастъ что-либо въ пользу священника «отъ своихъ щедротъ»,—это далеко не есть собираніе солдатскихъ «мѣдяковъ». Авторъ сгущаетъ краски и впадаетъ въ крайность.

Изъ всего этого можно вывести то, что нѣсколько лѣтъ назадъ въ духовной печати ²⁾, мною было высказано: что связь военной семьи съ своею военною церковью зиждется на соединительныхъ нитяхъ всѣхъ труженниковъ воинской части: офицеровъ, врачей и священника, совокупная дѣятельность которыхъ не укладывается въ какія либо часовыя рамки,—и строчить необоснованныя сужденія о цѣломъ сословіи, не будучи знакомымъ съ его жизнію и бытомъ, значить—уподобиться Крыловскому пирожнику, который взялся точать сапоги.

Капитанъ А. Мечникъ.

¹⁾ Вѣст. Воен. Дух. 1901 г. № 24.

²⁾ Вѣст. Воен. Дух. 1893 г. № 8.

Воинъ христолюбивый на родной сторонѣ.

(Продолженіе) ¹⁾.

VI.

Какъ-то особенно торжественно звучалъ колоколъ въ селѣ Домкинѣ, еще до свѣта созывая прихожанъ къ заутренѣ. Хитровскіе мужички теперь поголовно въ церкви. И особенно хорошо они чувствуютъ себя тутъ, какъ будто возвратились они на родную сторону послѣ долгаго отсутствія. Только мало еще въ церкви хитровской молодежи да невидно Евгеніи Васильевой: она не дождалась къ праздникамъ своего любимаго сына, и теперь сидитъ дома и ждетъ каждую минуту, что онъ подѣдетъ. И болитъ материнское сердце за сына. Видитъ добрая женщина, что неладно многое говорить и дѣлаетъ ея Вася, но онъ дорогъ ей и такой, какой есть.

Молодежь хитровская никакъ не хотѣла успокоиться. Яковъ Сидоровъ собиралъ къ себѣ простодушныхъ парней и уговаривалъ стоять на своемъ и неподдаваться рѣчамъ Мити и священника, не идти вслѣдъ за стариками, а оставаться вѣрными Василию Петровичу. Вотъ погодите, говорилъ онъ, я такое скажу священнику, что и онъ язычекъ прикуситъ, при всѣхъ такъ прямо и скажу.

Брось, говорили ему пріятели, кабы былъ тутъ Василій Петровичъ, такъ онъ зналъ-бы, что сказать, а тебѣ гдѣ-же тутъ говорить?

Вотъ потому-то я и буду говорить, настаивалъ Яковъ, что нѣтъ Василія Петровича. Я ждалъ все, что онъ подѣдетъ, а его все нѣтъ. Теперь я ждать не буду, а что онъ сталь-бы говорить, это я хорошо знаю: я съ нимъ больше вашего говорилъ да читалъ. Я, братцы, буду въ Евангеліи читать имъ, гдѣ указывалъ мнѣ Василій Петровичъ, пусть-ка они попробуютъ поговорить тогда со мной.

Хвастливыя рѣчи Якова поддерживали настроеніе молодежи, но и изъ ней многіе уже начинали подумывать про себя, что правъ-то, пожалуй, не Яковъ съ Василиемъ Петровичемъ, а Митя да батюшка.

Между тѣмъ, прошло уже порядочно времени послѣ праздниковъ. Бесѣды Мити съ сосѣдами продолжались, его слушали охотно, но самъ-то онъ видѣлъ ясно, что мало знаетъ, что нужна ему, необходимо нужна поддержка

¹⁾ См. «Вѣсти. В Д.» за 1909 г. № 17, стран. 535—544.

со стороны батюшки. И вот однажды Митя нарочно побывалъ въ Ромкинѣ и привезъ оттуда сосѣдямъ вѣсточку, что вечеромъ пріѣдетъ къ нимъ батюшка, который наказывалъ, чтобы собрались они у Данилы Ѳедорова, потому что изба у него самая просторная изъ всей деревни. Теперь уже безъ смущенія и съ радостью собирались все на предстоящую бесѣду. Молодежь была вся на лицо, имъ было интересно, что и какъ будетъ говорить Яша.

Батюшка пріѣхалъ радостный, бодрый. Помолвившись передъ иконами, онъ благословилъ всѣхъ, кой съ кѣмъ поговорилъ о дѣлахъ житейскихъ и присѣлъ за столъ, гдѣ для него было приготовлено мѣсто.

Вотъ и опять судилъ Господь мнѣ повидаться съ вами, други мои, началъ батюшка, какъ живется вамъ теперь? не смущаютъ-ли душу вашу опять какія нибудь недобрыя мысли? Говорите мнѣ все безъ утайки, — затѣмъ я и пріѣхалъ къ вамъ.

Спасибо, батюшка, сказалъ Григорій, теперь живется намъ хорошо да радостно. Вспомнимъ иногда про прошлое, такъ стыдно станеть, не хорошо такъ на душѣ, а потомъ опять, слава Богу, все хорошо пойдетъ: большое спасибо тебѣ да вотъ Дмитрію Васильевичу!

Священникъ хотѣлъ что-то сказать, но тутъ раздался звонкій, молодой голосъ Якова Сидорова: а можно мнѣ спросить кое что? Батюшка самъ хочеть, чтобы спрашивали.

Молодъ ты еще, сказалъ ему отецъ его Сидоръ, большой, широкобородый мужикъ, крѣпко любившій своего единственного сына, но боявшійся за участь своего ужъ очень удалаго и бѣдоваго дѣтища, — и безъ тебя есть тутъ, кому говорить, а ты сиди да слушай!

Нѣтъ, сказалъ батюшка, пусть онъ скажетъ, что знаетъ. Онъ вѣдь, важись, пріятель Василя Петровича, вотъ и пусть за него говоритъ. Не все намъ учить молодежь, пусть и они насъ поучать. Добрая улыбка появилась на устахъ священника и держалась на нихъ все время, пока выходилъ впередъ Яковъ. Въ рукахъ у него было маленькое Евангеліе.

Вотъ видишь, сказалъ батюшка Сидору, у него и Евангеліе въ рукахъ, и впрямъ онъ поучить насъ стариковъ уму-разуму. Ну что скажешь ты намъ хорошаго, обратился батюшка уже къ Якову?

Да вотъ, началъ онъ, тутъ еще до тебя Дмитрій Васильевичъ говорилъ намъ о судахъ и о казняхъ преступниковъ, читалъ онъ намъ Биб-

лю, а я хочу почитать, какъ судилъ Иисусъ Христосъ, думаю, не лучше ли тутъ въ Евангеліи сказано о судахъ-то, чѣмъ въ Библии?

Почитай, другъ мой, сказалъ батюшка, святую книгу, всегда полезно почитать, благо читаешь то ты хорошо и отчетливо.

Яковъ отыскалъ восьмую главу отъ Іоанна и началъ читать съ третьяго стиха. Голосъ его звучалъ громко и ясно, на нѣкоторыхъ словахъ онъ дѣлалъ особыя ударенія.

«Тутъ книжники и фарисеи», читалъ Яковъ, привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣяніи и, поставивъ ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята въ прелюбодѣяніи, а Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями: Ты что скажешь? Говорили-же это, искушая Его, чтобы найти что нибудь къ обвиненію Его. Но Иисусъ, наклонившись низко, писалъ перстомъ на землѣ, не обращая на нихъ вниманія. Когда-же продолжали еще спрашивать Его, Онъ, восклонившись, сказалъ имъ: кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось же камень. И опять, наклонившись низко, писалъ на землѣ. Они-же, услышавъ то и будучи обличаемы совѣстію, стали уходить одинъ за другимъ, начиная отъ старшихъ до послѣднихъ; и остался одинъ Иисусъ и женщина, стоящая посреди. Иисусъ, не видя никого, кромѣ женщины, сказалъ ей: женщина! гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя? Она отвѣчала: никто, Господи! Иисусъ сказалъ ей: и Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не грѣши. (Іоан. гл. 8, ст. 3—11). Яковъ кончилъ и лихорадочно блестящими глазами смотрѣлъ вокругъ себя и на батюшку.

Хорошее мѣсто ты выбрала, другъ мой, замѣтилъ батюшка, — какъ хорошо изображено здѣсь милосердіе Божіе! Господь Всевѣдущій видѣлъ въ душѣ грѣшницы жгучій стыдъ за свои худыя дѣла, видѣлъ ея искреннее разкаяніе, услышалъ ея мольбу о помилованіи, хотя она и не высказала ея, и простилъ ее. Вѣдь нельзя-же понимать слова Господа: «и я не осуждаю тебя», въ томъ смыслѣ, что онъ не признаетъ нехорошими поступки грѣшницы, иначе не сказалъ-бы Онъ: «иди и впредь не грѣши». Да, велико милосердіе Божіе, великое счастье въ этомъ для насъ грѣшныхъ!

Я не то хотѣлъ сказать, возразилъ Яковъ, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ устремлены были на него недружелюбныя взгляды, — я хотѣлъ сказать, что Иисусъ Христосъ судилъ не такъ, какъ сказано у Моисея и какъ говорилъ намъ о судахъ Дмитрій Васильевичъ.

А развѣ Господь отиѣнилъ повелѣніе Моисево, сказалъ батюшка, развѣ сказалъ Онъ, что Моисей написалъ не ладно? Кто изъ васъ, братцы, слышалъ сейчасъ объ этомъ изъ прочитаннаго?

Мы не слышали, сказалъ Данило, а вотъ пусть поищетъ слова эти самъ Яковъ да и прочтетъ намъ снова, а мы послушаемъ. Но Яковъ растерянно водилъ пальцемъ по развернутой страницѣ Евангелія и въ смущеніи молчалъ.

А ты вотъ лучше почитай-ко намъ другое мѣсто, сказалъ батюшка. Открой Евангеліе отъ Матѳея, главу пятую, стихъ седмнадцатый. Яша живо отыскалъ указанное мѣсто. Ну читай!

«Не думайте, читалъ Яковъ, что я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прійдетъ небо и земля, ни одна іота или не одна черта не преидетъ изъ закона, пока не исполнится все (Мѳ. 17 и 18).

Довольно, Яша, сказалъ батюшка, вы видите, други мои, продолжалъ онъ уже обращаясь ко всѣмъ, что противорѣчія между закономъ Моисеевымъ и Евангеліемъ нѣтъ и быть не можетъ, потому что то и другое есть слово вѣчнаго Бога. Господь Иисусъ Христосъ принесъ на землю для спасенія нашего ту же вѣчную истину, которую проповѣдывалъ и писалъ отъ имени Божія и Моисей. Господь Иисусъ Христосъ исполнилъ истину Моисееву, на самомъ дѣлѣ показалъ и разъяснилъ людямъ, какъ нужно жить по Закону Божію. А ты, Яша, выбралъ дѣйствительно замѣчательное мѣсто изъ Евангелія. Только, другъ мой, нужно правильно понимать, что читаешь, а если ты самъ не понимаешь, такъ ты спроси у того, кто понимаетъ, вотъ хотя-бы у меня, только не у такого-же несвѣдущаго человѣка, какъ и ты самъ. Вѣдь вотъ о судахъ-то изъ указаннаго тобою мѣста что слѣдуетъ? Что къ жизни судьи должны относиться осторожно, что искренно покаявшагося преступника нужно прощать и не лишать жизни, какъ и Христосъ простилъ грѣшницу. Такъ вѣдь это всегда и дѣлается. Казнить только закоренѣлыхъ злодѣевъ, съ которыми иначе уже ничего нельзя поделаться, у которыхъ и въ мысляхъ нѣтъ, чтобы покаяться и исправиться. Понятно-ль вамъ, братцы, все это, закончилъ рѣчь свою священникъ?

Понятно, какъ ни понять, этого, сказалъ Илья. Спасибо тебѣ, батюшка! Вотъ намъ говорилъ объ этомъ Дмитрій Васильевичъ, хорошо говорилъ, а ты теперь еще лучше все разъяснилъ намъ.

Ну и слава Богу, сказалъ священникъ, иди съ Богомъ, Яша, да подумай хорошенько о томъ, что слышалъ тутъ: парень ты, какъ видно, толковый и хорошій, Богъ дастъ поймешь все какъ слѣдуетъ.

Когда Яша шелъ въ задніе ряды, то отецъ его не утерпѣлъ и сказалъ тутъ-же при всѣхъ сыну: только срамишь ты себя да и меня, ужъ лучше-бы молчалъ или во все не показывался сюда!

Но батюшка, услыхавъ эти слова, сказалъ Сидору: зачѣмъ бранить молодежь за то, что она хочетъ узнать правду? Повѣрь мнѣ, у твоего сына добрая душа, изъ него выйдетъ хорошій человекъ. Ну ошибся онъ, какъ и его товарищи, увлекся больше другихъ, но за то какъ узнаетъ правду, такъ скорѣе другихъ и исправится. Молодость великое дѣло, золотое это, хотя и опасное время! Съ удивленіемъ слушалъ Яковъ съ товарищами слова эти. Не много было сказано тутъ, но этими словами священникъ сразу привлекъ на свою сторону отзывчивыя сердца молодежи, потому что эта молодежь поняла, что ее любятъ.

VII.

Батюшка сталъ было собираться домой, но Данило сталъ просить его выпить съ ними чаю, благо время было праздничное да и не поздно еще. Батюшка согласился. Скоро накрыли на столъ, Матреша живо огрѣла самоваръ.

За чаемъ опять благодарили батюшку за наставленіе, но онъ старался отклонить похвалы отъ себя. Благодарите, сказалъ онъ, вотъ Дмитрія Васильевича, который со службы Царской принесъ вамъ свѣтъ и правду. Великое и святое это дѣло—служба воина христіюлюбиваго! Вотъ жаль, что тебѣ, Яша, не придется послужить Царю и Отечеству, ты многому хорошему научился бы тамъ, какъ научился Дмитрій Васильевичъ.

Яковъ сидѣлъ, опустивъ на грудь голову, но тутъ будто кто толкнулъ его; онъ быстро взглянулъ на батюшку и сказалъ: нѣтъ, ужъ лучше я побуду дома, мнѣ совсѣмъ не по душѣ солдатская жизнь, дѣло это нехорошее.

Вотъ какъ, сказалъ батюшка, ты думаешь о службѣ воинской! Это вы, вѣрно, тоже съ Василюмъ Петровичемъ надумали унижать и порочить воинское званіе. Такъ послушай-же ты меня, слушайте и всѣ вы, благо никто еще не ушелъ отсюда. Батюшка отставилъ свой стаканъ, и рѣчь его снова полилась громко, съ одушевленіемъ.

Вотъ Яковъ сказалъ намъ сейчасъ, что служба воинская дѣло нехорошее, а Іоаннъ Креститель говорилъ о ней не такъ. Къ нему приходили воины и спрашивали, что имъ дѣлать, а онъ развѣ имъ отвѣтилъ, чтобы не шли они на службу воинскую, что это нехорошее дѣло? Читай, Яковъ, вотъ тутъ читай, что сказалъ воинамъ грозный пророкъ Божій, который говорилъ въ глаза горькую правду самому царю, который за правду и вѣнецъ мученическій принялъ!

Яковъ взялъ изъ рукъ батюшки Евангеліе, нашелъ указанное мѣсто и прочелъ: «спрашивали его также и воины: а намъ что дѣлать? И сказалъ имъ: никого не обижайте, не клеветите, и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ» (Луки, III, 14).

Руки Якова дрожали, онъ готовъ былъ бѣжать отъ устремленныхъ на него взоровъ, но не могъ, какъ будто какая-то сила приковывала его къ мѣсту.

Нѣтъ, другъ мой, продолжалъ батюшка, великій Предтеча Христовъ не осудилъ воиновъ за ихъ службу, а вѣдь служили-то они царю иноземному, языческому, а не своему православному Царю-Батюшкѣ, которому служатъ наши воины. Ты вотъ, Яша, учился въ школѣ и хорошо учился, такъ помнишь навѣрно, какъ преподобный Сергій Радонежскій, кроткій угодникъ Божій, благословилъ на подвигъ ратный великаго князя Дмитрія Донского и далъ ему въ помощь своихъ двухъ иноковъ-богатырей, Пересвѣта и Ослябя. Неужели святой угодникъ Божій не зналъ, хорошее-ли дѣло защита родной земли съ оружіемъ въ рукахъ? Зналъ, Яша, лучше чѣмъ кто-бы то ни было зналъ! А вотъ еще я скажу тебѣ о святомъ благовѣрномъ князѣ Александрѣ Невскомъ. Онъ тоже причисленъ къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ, и мощи его почиваютъ въ нашей столицѣ. Русская земля при немъ была совсѣмъ на краю гибели. Какъ черныя тучи со всѣхъ сторонъ окружали ее враги: и нѣмцы, и шведы, и Литва. Но молодой русскій герой собралъ вѣрную дружину свою, крѣпко помолился Господу Богу и какъ Божья гроза устремился на враговъ. Въ битвѣ онъ былъ въ первыхъ рядахъ, собственноручно нанося страшные удары мечемъ и копьемъ своимъ. Онъ, по выраженію лѣтописца, положилъ печать на лице самаго предводителя шведовъ, зятя Шведскаго короля, Биргера. Это было въ 1240 году, при сліяніи рѣкъ Ижоры и Невы; за эту славную битву св. Александръ и называется Невскимъ. Самъ Господь помогаль русскому герою-князю Александру Ярославовичу, и его подвигами спа-

сено было отъ враговъ наше дорогое отечество. Наши воины христоробивые, защищая свою родину, дѣлають тоже великое и святое дѣло, какое дѣлалъ и св. Александръ Невскій. Такихъ примѣровъ можно-бы привести много, но и этого достаточно.

Такъ-то, другъ мой, закончилъ рѣчь свою батюшка, нужно подумать сначала, а потомъ говорить. Дай-ка ты мнѣ сюда Евангеліе-то! Яша далъ.

Уже поздно, други мои, сказалъ священникъ, но послушайте еще, что я прочту вамъ изъ этой великой книги, изъ св. Евангелія!

Читай, читай, слышались голоса, хоть до полночи будемъ слушать святыя слова! Священникъ прочиталъ отъ Іоанна только два стиха пятнадцатой главы: «сія суть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше тѣй любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. 15, 12—13).

Вотъ золотыя слова, сказалъ батюшка, они прямо относятся къ христоробивымъ, любящимъ Христа и Христомъ любимымъ воинамъ. Господь Іисусъ Христосъ такъ возлюбилъ грѣшнаго человѣка, что для спасенія его принялъ и претерпѣлъ страшныя муки, крестную смерть и вольное погребеніе. Всю жизнь свою на землѣ Онъ словомъ и дѣломъ училъ людей любить другъ друга и вотъ, въ только что прочитанныхъ словахъ, Онъ указываетъ, до какой степени должна простираться эта любовь: до пожертвованія за ближняго жизнью своей! Не только не обижай своего ближняго, какъ-бы такъ говорить Господь, но и береги его, защищай отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, а если это нужно будетъ, то на защитѣ ближняго положи и жизнь твою. Въ исполненіе этой заповѣди о высшей любви къ ближнему и состоитъ служба воинская, великая и святая служба. Вотъ поэтому-то святая церковь и учитъ, что если воинъ положить жизнь свою на полѣ брани, то дастъ ему Господь за этотъ подвигъ свѣтлый вѣнецъ мученическій.

Священникъ хотѣлъ отдать Евангеліе Якову, но его тутъ уже не было. Онъ только-что передъ этимъ успѣшно всталъ и ушелъ въ свой домъ: тамъ легъ онъ ничкомъ на свою постель и горько заплакалъ. Послѣ этого вечера трудно было узнать удалого, иногда даже дерзкаго и отчаяннаго Якова: онъ присмирѣлъ, долго ходилъ задумчивый, отстраняясь отъ своихъ товарищей и навсегда оставилъ свои проказы и смѣлыя, иногда несовсѣмъ красивыя выходки. Отецъ только радовался теперь на своего остепенившагося сына.

Всѣ съ поклонами проводили батюшку, но особенно низко кланялся ему Илья. Ну, батюшка, говорилъ онъ, много интереснаго говорилъ намъ Дмитрій Васильевичъ, а ты вотъ совсѣмъ выкурилъ изъ насъ заразу то эту, теперь ужъ насъ никто не собьетъ съ пути, не то что Василій Петровичъ.

Дай Господи, проговорилъ пастырь, хорошо еще, что зараза эта не успѣла себѣ свить у васъ прочнаго гнѣзда, а то и мнѣ справиться съ нею было-бы не легко. Велика милость Божія къ намъ грѣшнымъ. Съ этими словами священникъ поѣхалъ домой.

VIII.

Время шло быстро и незамѣтно для успокоившихся и вошедшихъ въ свою колею Хитровскихъ мужичковъ. Только Евгенія Васильева замѣтно скучала, потому что ужъ очень долго не видала своего ненагляднаго Васю. Она не разъ писала ему письма, звала его домой, но онъ все не ѣхалъ, хотя и обѣщаль побывать у ней, какъ только будетъ у него свободное время. Евгенія уже сама собралась поѣхать къ сыну, какъ вдругъ онъ неожиданно пріѣхалъ. Эго случилось поздно вечеромъ, такъ что Василій Петровичъ, наскоро выпивъ чаю, пошелъ спать въ свою горенку, всегда готовую для него, натопленную и прибранную руками заботливой матери.

Утромъ все Хитрово уже знало о пріѣздѣ Василія Петровича, но это событіе уже никого не волновало такъ, какъ бывало прежде, никто не поспѣшилъ къ нему повидаться и поговорить съ нимъ или получить отъ него какую-нибудь книжку—даже прежде полученные отъ него листочки и книжки Хитровцы давно побросали въ печь.

Между тѣмъ, Василій Петровичъ ничего хорошенько не зналъ изъ того, что произошло безъ него въ Хитровѣ. Сидя за утреннимъ чаемъ съ матерью, онъ поглядывалъ въ окно, ожидая, что вотъ соберутся къ нему его прежніе слушатели и друзья—пріятели изъ молодежи. А поговорить ему было о чемъ: они такъ давно не виделись, за это время онъ побывалъ въ столицѣ, много видѣлъ и слышалъ, много узналъ новаго, многому и самъ научился отъ своихъ руководителей. Мимо оконъ избы его проходили многіе изъ сосѣдей, но никто къ нему не заходилъ. Нетерпѣніе Василія Петровича росло и, наконецъ, стало замѣтно и для матери: ея Вася почти не отрывалъ глазъ отъ окна.

Грустно слѣдила мать за движеніями сына и, наконецъ, заговорила: не дождайся Васенька, не придутъ они къ тебѣ, какъ бывало хаживали, ужъ ты повѣрь мнѣ.

— Это почему ты такъ такъ думаешь?

— Да ужъ я это знаю. Тутъ у насъ безъ тебя много новаго случилось, многое перемѣнилось, вотъ оттого-то и не придуть они.

— Чтоже такое произошло тутъ, спросилъ Вася, живо заинтересованный и отчасти смущенный словами матери?

— А вотъ что произошло Вася: ты давно не былъ у насъ, а тутъ воротился со службы Митя, Василя Антонова сынокъ, ты вѣдь помнишь его?

— Какъ не помнить, вѣдь мы были товарищи, выросли вмѣстѣ, а только чтоже было дальше-то?

— А вотъ какъ прѣхалъ онъ, такъ наши пошли повидать его, была тогда и а тамъ: видимъ такой парень бравый, умный и обходительный. Заговорилъ онъ съ нашими такъ привѣтливо да ласково, а тѣ слово за словомъ да и давай бесѣдовать съ нимъ о томъ, что ты говорилъ имъ. Началъ Илья, а потомъ за нимъ заговорили и другіе сосѣди. Илья-то даже обидное что-то сказалъ Митѣ, а онъ не разсердился, а сталъ говорить съ ними похорошему, такъ-то толково да привѣтливо, — слушать любо было! Ну, а потомъ началъ онъ ходить къ нимъ часто, какъ соберутся у Данилы или у Григорія, онъ тутъ какъ тутъ: толкуютъ, читаютъ книги, какъ бывало съ тобой дѣлали. Потомъ Митя ѣздилъ къ нашему батюшкѣ, и тотъ прѣзжалъ къ нимъ неразъ побесѣдовать. Теперь Митя у нихъ первый человекъ, а про тебя они и не вспоминаютъ, а если и вспомнятъ, то не добромъ, а лихомъ.

Василій Петровичъ былъ удивленъ до крайности, онъ никакъ не ждалъ того, о чемъ сообщили ему. Такъ вотъ что, сказалъ онъ, ну мы еще посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Не особенно боюсь я этого солдата, видали мы и не такихъ умниковъ. Однако на лицѣ его видна была озабоченность и явная тревога. Онъ хотѣлъ встать и уйти въ свою горенку, чтобы обдумать свое положеніе и намѣтить планъ дѣйствій своихъ; но, увидѣвъ грустное лицо матери и даже слѣды слезъ на глазахъ ея, снова усѣлся на лавкѣ.

— Что это съ тобой, маменька, сказалъ онъ? уже не скрываешь-ли ты отъ меня еще какой новости похуже той, что сказала сейчасъ?

— Нѣтъ, Васенька, не скрыла я отъ отъ тебя ничего, а только болить мое сердце по тебѣ, давно ужъ не знаю я спокойныхъ дней и ночей.

— Напрасно ты беспокоишься обо мнѣ: я хорошо знаю, что мнѣ дѣлать, давно уже я не мальчикъ, котораго нужно было-бы вразумлять и останавливать.

Я знаю, что не мельчикъ ты, Вася, давно я ничего тебѣ не говорила о томъ, какъ жить и что дѣлать. А вотъ теперь ты послушай меня хоть одинъ разокъ! Мать сѣла рядомъ съ Васей и, любовно заглядывая ему въ глаза, продолжала: ты одинъ у меня остался на свѣтѣ, и боюсь я, чтобы не случилось съ тобою чего нибудь нехорошаго; я не знаю хорошенько, что ты дѣлаешь, чего хочешь, а только чувствует мое сердце, что ты дѣлаешь вѣладное, нехоршее дѣло,—брось ты все это, Васенька! Какъ послушала я, что говорятъ теперь у насъ про тебя, такъ и вижу, что сбили тебя съ пути недобрые люди, а ты хочешь сбивать съ пути ссѣдей своихъ да товаришей: не хорошо это, сынокъ, ничего путнаго изъ этого выйти не можетъ.

Вася слушалъ мать съ нахмуреннымъ лбомъ, но сердечность этой простой рѣчи тронула его, и въ отвѣтъ его послышались тѣ ласковыя нотки, которыя Еленя давно не слыхала отъ сына, съ самаго дѣтства его. Эхъ, маменька, маменька, сказалъ онъ, человекъ ты темный, весь вѣкъ свой прожила въ деревнѣ своей, ничего не слыхала, ничему ты не училась! Какъ сбѣясню я тебѣ про дѣло мое? Повѣрь ты мнѣ, что такихъ людей, какъ я, теперь много, и хотятъ они не худого, а хорошаго людямъ, хотятъ указать имъ, какъ жить и что дѣлать, чтобы быть счастливыми. Такъ вотъ, маменька, не враги мы темнаго люда, не бойся, ты за меня и не скорби обо мнѣ душою.

А кто-же эти товарищи-то твои, что работаютъ съ тобою? они тоже такіе, какъ ты вотъ молодые, съ любопытствомъ спросила мать?

Есть и пожилые люди, а больше, конечно, молодежь, какъ и я, или по старше не много.

А кто же, продолжала мать, поставилъ васъ учить другихъ, кто поручилъ-то вамъ это дѣло? Я думаю, что на это дѣло, коли ты говоришь оно хорошее, нашлись-бы люди постарше и поумнѣе васъ. Много-ли вы и сами-то на свѣтѣ жили, а собрались учить жить другихъ, — ладно-ли это Вася?

На лицѣ сына выразилось сильное нетерпѣніе. Онъ быстро всталъ и, уходя къ себѣ, сказалъ матери уже рѣзко и отрывисто, какъ привыкъ говорить съ нею въ послѣднее время: ну, маменька, съ тобой не столкуешься, а что говсрать-то про меня наши, такъ вотъ я самъ поговорю съ ними, и ты увидишь, что все опять пойдетъ по старому, какъ раньше было.

Съ этими словами Василій Петровичъ ушелъ къ себѣ и до самаго вечера ходилъ взадъ и впередъ по своей горенкѣ. Да, думалъ онъ, дѣло зашло, должно быть, у нихъ далеко, напрасно я такъ долго не былъ тутъ, но все-таки мы поборемся и ихъ-же оружіемъ! Онъ долго просматривалъ книжки свои и, наконецъ, всталъ и пошелъ навѣстить Якова Сидорова, котораго считалъ онъ неизмѣннымъ послѣдователемъ своимъ.

Яковъ былъ дома и совершенно одинъ: отецъ его еще съ утра уѣхалъ на мельницу, а мать хлопотала по хозяйству. Встрѣтились бывшіе друзья привѣтливо, но бесѣда ихъ что-то долго не налаживалась. Наконецъ Василій Петровичъ приступилъ прямо къ дѣлу, за которымъ пришелъ. Яша, сказалъ онъ, я отъ матери своей услыхалъ, что у васъ тутъ дѣлается безъ меня, неужели это все правда? Неужели вы всѣ тутъ какъ бараны безголовые пошли за солдатомъ, который наговорилъ вамъ всякой всячины? Неужели такъ таки и забыли вы, о чемъ мы такъ много говорили? Скажи ты мнѣ всю правду!

Скажу Вася, скрывать мнѣ отъ тебя нечего. А ты не кори Митю, человѣкъ онъ хорошій, разумный. Да и не его только мы слушали, а и батюшку нашего, и стариковъ нашихъ, которые еще при тебѣ не были согласны со всѣми. Много тутъ говорили мы, да и увидѣли, что неправъ ты былъ, нехорошему училъ насъ. Не какъ бараны пошли мы за Митей да за батюшкой, а съ разсудкомъ, когда ясно увидѣли, что правда-то на ихъ сторонѣ, а не на твоей. Ты вотъ бывало читалъ намъ и Евангеліе, и Библию, а какъ стали читать ихъ Митя да батюшка, такъ и малому ребенку можно было понять, что читать-то ты читалъ святыя книги, да не ладно понималъ ихъ и насъ вводилъ въ заблужденіе.

Василій Петровичъ, стиснувъ зубы отъ досады, слушалъ эти рѣчи Якова, но не вытерпѣлъ до конца и перебилъ его: что же, сказалъ онъ, такъ вы всѣ и развѣсили уши на Митины рѣчи? всѣ повѣрили ему? онъ теперь вашъ руководитель и наставникъ? и даже ты пошелъ за всѣми?

Что-же я, сказалъ Яша,—всѣ почитаютъ теперь Митю, всѣ рады послушать его, когда придетъ онъ къ Данилѣ пли Григорію, куда собираются наши!

А часто бываютъ у васъ эти бесѣды?

Не особенно часто, Вася, а все-таки бываютъ почитай каждую недѣлю.

Такъ ты вотъ что, Яша, по старой нашей дружбѣ скажи мнѣ, когда

сберетесь вы: я покажу вамъ, что за человѣкъ вашъ новый учитель. Со мной-то ему будетъ не такъ повадно бесѣдовать, какъ съ вами.

Ладно, Вася, я скажу, только, братъ, ты лучше оставь это дѣло: повѣрь мнѣ, что ничего ты теперь не подѣлаешь съ нашими, никто тебя слушать не будетъ.

Ну, мы посмотримъ, сказалъ Василій Петровичъ, еще кто кого! Съ этими словами онъ пошелъ домой. На крыльцѣ онъ встрѣтилъ Сидора, который не отвѣтилъ на поклонъ его и посмотрѣлъ въ слѣдъ ему не совсѣмъ дружелюбно.

IX.

Прошло около недѣли. Василій Петровичъ никуда не показывался, никто не шелъ и къ нему. Но вотъ однажды подъ вечеръ зашелъ къ нему Яковъ Сидоровъ и сказалъ: пойдемъ, — наши всѣ у Григорія, и Митя тамъ. Живо одѣлся Василій Петровичъ и вмѣстѣ съ Яшей вышелъ изъ дома. Когда пришли они къ Григорію, тамъ уже было много народа, а у стола въ переднемъ углу сидѣлъ Митя. Василія Петровича тутъ, очевидно, поджидали.

Вошелъ онъ развязно, съ веселымъ выраженіемъ лица. Здравствуйте, люди добрые! сказалъ онъ громко.

Здравствуй, молодецъ, отвѣтилъ хозяинъ, гостю честь и мѣсто! Садись сюда вотъ въ передній уголь!

Что-же мнѣ въ передній уголь идти, проговорилъ Василій Петровичъ, однако пробираясь туда; у васъ есть теперь, кому сидѣть тамъ, гдѣ-же намъ равняться съ вашимъ почетнымъ гостемъ! Всѣ не особенно привѣтливо посмотрѣли на Василія Петровича, но промолчали, не отвѣтилъ ничего на эту выходку и Митя. Усѣвшись не далеко отъ Мити, Василій Петровичъ посмотрѣлъ вокругъ себя и, замѣтивъ общее нерасположеніе къ себѣ, рѣшилъ сейчасъ вернуть свое прежнее положеніе, а для этого унизить въ общемъ мнѣніи Митю.

Ну чтоже, сказалъ онъ злобно смотря на Митю, поучай насъ мало-смысленныхъ и глупыхъ, читай намъ Евангеліе, да только не пропускай тамъ того, что сказано противъ вашей службы воинской, а то я вѣдь на-помню тебѣ объ этихъ мѣстахъ.

Такихъ мѣстъ нѣтъ тамъ, отвѣтилъ спокойно Митя. Можетъ быть ты знаешь такое мѣсто, такъ укажи намъ, сдѣлай милость.

Подготовившись дома, Василий Петровичъ зѣвалъ, что нужно сказать тутъ, по его мнѣнію, самое высокое и неотразимое. Изволь, сказалъ онъ-вы называете себя воинами христіанскими, а почитай-ко, что сказалъ воинамъ Іоаннъ Креститель, когда они приходили къ нему.

А что-же такое сказалъ имъ Креститель?

А сказалъ онъ имъ вотъ что: никого не обижайте, не клеветайте и будьте довольны своимъ жалованьемъ! Какая-же обида можетъ быть больше той, когда убиваютъ человѣка, лишаютъ его послѣдняго крова и всякаго достоянія; а вѣдь въ этомъ и состоитъ ваша служба воинская, вы вѣдь всегда должны быть готовы убивать и истреблять того, кого вамъ укажутъ, для этого только и содержать васъ! Сказавъ эти послѣднія слова, Василий Петровичъ снова посмотрѣлъ на сосѣдей своихъ, но опять замѣтилъ не сочувствіе своимъ словамъ, а скорѣе общее безпокойство и неодобреніе къ своей рѣзкой выходкѣ. Всѣ посмотрѣли на Митю.

А тотъ спокойно передистывалъ Евангеліе, которое у него было всегда подъ рукою въ такихъ случаяхъ. Это у Луки, сказалъ онъ, въ третьей главѣ, стихъ четырнадцатомъ?

Василій Петровичъ посмотрѣлъ на открытое мѣсто и съ злорадствомъ сказалъ: да, вотъ тутъ и сказано, кажется, ясно противъ службы вашей. Я не говорю о библіи, она дана была евреямъ и намъ не нужна; само Евангеліе осуждаетъ службу вашу, а потому не пригоже тебѣ, солдату, учить другихъ, лучше посмотри на себя да на дѣла свои.

Глаза Василя Петровича сверкали, онъ, кажется, готовъ былъ сейчасъ броситься на Митю съ кулаками. Но тотъ сидѣлъ спокойно и выжидалъ, когда окончится рѣчь Василя Петровича. Когда-же тотъ замолкъ, Митя заговорилъ громкимъ, но ровнымъ и спокойнымъ голосомъ.

Удивительно это, братцы! вы помните, какъ батюшка читалъ намъ это самое мѣсто въ оправданіе службы нашей воинской, а вотъ Василя Петровичъ толкуетъ него въ другую сторону, придаетъ этому мѣсту другой смыслъ. Гдѣ-же правда? посмотримъ, подумаемъ!

Мало-ли что наговорить вамъ вашъ батюшка, перебилъ Митю Василя Петровичъ! Онъ тоже умѣетъ хорошо людей за носъ водить, какъ и ты, братецъ любезный.

Подожди, Василя Петровичъ, сказалъ Митя, — ты говорилъ много, дай сказать слово и мнѣ!

Ну говори, слушаемъ.

Василій Петровичъ сѣлъ на мѣсто, а Митя продолжалъ, глядя на всѣхъ своими добрыми и спокойными глазами. Я думаю, что еслибы Креститель Христовъ въ этихъ обидахъ и клеветахъ, о которыхъ говорилъ онъ воинамъ, разумѣлъ службу ихъ, то и сказалъ-бы онъ воинамъ прямо, что въ ихъ званіи служить не хорошо, не слѣдуетъ. А если онъ этого не сказалъ, то значить онъ эти обиды и клеветы не считалъ службою воиновъ, а считалъ ихъ главнымъ и обычнымъ въ то время грѣхомъ. Это разумѣются тутъ обиды и клеветы на мирныхъ жителей, въ которыхъ тогда войны были повинны. Такъ дѣйствительно и было во времена Іоанна Крестителя: не довольствуясь своимъ жалованьемъ, воины пользовались существовавшимъ въ то время закономъ, по которому, если кто-либо дѣлалъ доносъ, а тотъ, на кого доносили, не могъ оправдать себя, то виновнаго или оклеветаннаго казнили, а все имущество его отдавали доносчику,—воины часто дѣлали ложные доносы и обижали мирныхъ жителей для корысти своей. Вотъ это и запрещаетъ имъ дѣлать Креститель, а о самой службѣ ихъ воинской онъ не говоритъ ни слова. И теперь если случилось, что воинъ, забывъ свое высокое званіе, обидѣлъ-бы мирнаго жителя, то стали-бы судить его военнымъ судомъ, а судъ этотъ куда строже суда гражданскаго, такъ что виноватый воинъ понесъ-бы наказаніе болѣе тяжкое, чѣмъ всякій другой человекъ. Но ктоже скажетъ по совѣсти, что служба наша воинская состоитъ въ обидахъ и клеветахъ на мирныхъ жителей именно теперь, въ наше время? Вы теперь хорошо знаете, братцы, что служба наша состоитъ именно въ защитѣ мирныхъ жителей отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и указанія слова Крестителя къ службѣ нашей, какъ и къ службѣ современныхъ ему воиновъ, относиться никакъ не могутъ.

Мы это еще яснѣе увидимъ, если почитаемъ, что говорилъ тогда-же Креститель Христовъ людямъ другихъ званій. Въ той-же третьей главѣ отъ Луки, въ двѣнадцатомъ стихѣ вы можете прочитать, что даже мытарямъ, всѣмъ презираемымъ сборщикамъ податей въ пользу чужиземнаго царя съ роднаго народа, и тѣмъ Креститель не запрещалъ дѣлать свое дѣло, а только требовалъ, чтобы они дѣлали его добросовѣстно. Значить, по мнѣнію великаго пророка Господня, званіе человека не имѣетъ значенія само по себѣ; нужно только исполнять обязанности свои по совѣсти да по Божьему. Такъ-ли я говорю, закончилъ рѣчь свою Митя, понятно-ли вамъ, братцы, теперь, что напрасно порочить Василій Петровичъ службу мою, которую считаю лучшимъ временемъ жизни своей?

По всему собранію прошелъ глухой и сдержанный сначала ропотъ, слышны были и отдѣльныя слова: вѣстимо такъ!... что тутъ говорить!... Правду Митя говоритъ!..

(Окончаніе впродъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

РЕГЕНТСКО-КАПЕЛЬМЕЙСТЕРСКІЕ

классы Решке, въ Москвѣ (Арбатъ, д. № 4).

Приемные экзамены для лицъ обоюга пола съ 25-го августа. Окончившіе полный курсъ получаютъ званіе регента или капельмейстера.

Плата 50 руб. за полугодіе.

Проспекты высылаются бесплатно. Полная программа за 14 к. марк. Вышелъ 2-мъ изд. «Методъ Развитія Слуха и Чтенія Нотъ» (Сольфеджіо) Решке, часть I—10, по 25 коп. Высылается наложеннымъ платежемъ.

Содержаніе: Часть офиц.: Лестные отзывы о священно-служителяхъ воен. и морского вѣдомства.— Часть неофиц.: Поученіе въ день преставленія св. ап. и Св. Іоанна Богослова.— А кто мой ближній.— Возможное на землѣ счастье — удѣлъ труженниковъ.— За полковыхъ священниковъ. — Воинъ христолюбивый на родной сторонѣ (продолженіе).— Объявленіе.

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 11-го Сентября 1909 г.

Цензоръ, Архимандритъ *Александръ.*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.